

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет П. Г. Демидова
Кафедра новейшей отечественной истории

Н. М. Александров

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ РОССИИ**

Учебно-методическое пособие

Ярославль
ЯрГУ
2018

УДК 94:316:330.8(470)(075)
ББК ТЗ(2)-2я73
А46

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2018 года*

Рецензент
кафедра новейшей отечественной истории
ЯрГУ им. П. Г. Демидова

Александров, Николай Михайлович.

А46 Проблемы социально-экономической истории России : учебно-методическое пособие / Н. М Александров ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. — Ярославль: ЯрГУ, 2018. — 36 с.

В пособии дан анализ дискуссионных вопросов изучения крестьянской реформы 1861 г. в России и её влияния на социально-экономическое положение пореформенной деревни. Включает сокращенное содержание читаемого курса, списки литературы, вопросы для самоконтроля, темы докладов, справочный материал.

Предназначено для студентов, изучающих дисциплину «Актуальные проблемы российской исторической науки».

УДК 94:316:330.8(470)(075)
ББК ТЗ(2)-2я73

© ЯрГУ, 2018

Введение

Аграрные реформы, как и реформы вообще, в российской историографии конца XX — начала XXI в. являются одной из приоритетных тем. Это вызвано усилившимся вниманием исследователей к историческому опыту модернизации страны. С периода горбачевского «ускорения» и до настоящего времени необходимость сделать экономику и государственные институты более современными и конкурентоспособными постоянно значится в «повестке дня» современной правящей элиты. В связи с этим особую актуальность вызывает исследование одной из крупнейших реформ в истории России, положившей начало серии «Великих реформ» — крестьянской реформы 1861 г. Историографическая традиция её изучения имеет уже более чем полуторавековую историю. Историки уже исследовали основной пласт материалов и документов, касающихся всех аспектов подготовки и реализации крестьянской реформы. В то же время тема отмены крепостного права неисчерпаема. Каждое поколение ученых отмечает новые нюансы и дает свои оценки при её исследовании. В настоящее время среди историков по-прежнему ведутся дискуссии по широкому кругу вопросов, касающихся реформы 1861 г.: вокруг интерпретаций фактов, событий, выявления исторически значимых процессов, построения на их основе исторических концепций. Причем остаются дискуссионными ключевые вопросы: социально-экономические предпосылки реформы; роль Александра II и его окружения в модернизационных преобразованиях; условия для развития сельского хозяйства в пореформенный период.

В современной учебной литературе отражены наиболее распространенные взгляды на крестьянскую реформу, сложившиеся к началу XXI в. К сожалению, большинство студентов считают их единственной трактовкой реформы и плохо представляют полемику вокруг неё. Задачей данного курса является ознакомление студентов с различными взглядами на причины проведения крестьянской реформы 1861 г. и её влияние на пореформенное развитие России как в отечественной историографии на разных этапах, так и в современной зарубежной историографии.

**Часть I. Дискуссионные вопросы
изучения крестьянской реформы 1861 г.
в отечественной и зарубежной историографии**

***Тема 1. Досоветская историография
крестьянской реформы. И. И. Иванюков
об основных причинах отмены крепостного права***

В 1882 г. в Санкт-Петербурге была напечатана монография профессора Петровской сельскохозяйственной академии И. И. Иванюкова «Падение крепостного права в России». Данная работа является одним из первых крупных исследований, посвященных отмене крепостного права. В досоветский период эта монография оказала значительное влияние на исследователей либерального направления. Необходимо учитывать, что автор опирался только на опубликованные источники. При работе с книгой следует также обратить внимание, что целью своего исследования профессор И. И. Иванюков ставил «выяснение отношения правительства, дворянства и литературы — этих трех деятелей в крестьянской реформе — к преобразованию сельского быта», т. е. стремился определить роль каждого из этих субъектов в подготовке и проведении реформы. Рисуя картину отношений различных слоев российского общества к крепостному праву, И. И. Иванюков старался показать огромное влияние разного рода печатных изданий на формирование прогрессивных взглядов в обществе. Ученый полагал, что в первой половине XIX в. сформировалось мнение, что крепостное право представляет тормоз на пути дальнейшего развития страны. Огромную роль в этом сыграли пришедшие с Запада идеи, которые быстро распространились среди русской интеллигенции. Все больше и больше людей в России стало считать, что крепостное право являлось «первым камнем, который надо было сдвинуть, чтобы расчистить путь к свободной жизни и дальнейшему прогрессу».

Особенно это стало понятно, по мнению автора, в 1856–1860 гг., когда тяжелая атмосфера николаевской эпохи уходила в прошлое. Гнет этой атмосферы привел к поражению в Крымской войне, «сделал бесполезным героизм солдат, героизм, парализованный язвами бюрократической системы и военной администрации». Необходимость изменений общественных порядков становилась все очевидней.

В первую очередь это относилось к решению крестьянского вопроса. В 1856 г. об освобождении крепостных говорить еще запрещалось, но печатные издания нашли способ обойти этот запрет. Они стали поднимать другие важные вопросы, относящиеся к жизни крестьян: о поземельной собственности и общинном пользовании землей. Широкое обсуждение этих вопросов в печати началось с полемики между журналами «Современник» и «Экономический указатель». Затем к ней присоединились и другие издания. Рост общественного интереса к крестьянскому вопросу, по мнению И. И. Иванюкова, заставил правительство снять запрет с гласного обсуждения проектов «улучшения крестьянского быта». Также исследователь отмечает, что многое из того, что предлагалось в ходе обсуждения в печати, было положено в основу крестьянской реформы.

Указывая на большую роль передовой интеллигенции в подготовке крестьянской реформы, автор отмечает: её мнение обладало такой силой и властью, что часто жалевшие о разрушающемся быте не решались высказывать сожалений не только публично, в печати, но и в частных салонах и гостиных. «Все либеральничали: одни по убеждению, другие лицемерно», — пишет автор. Слово «крепостник» получило оскорбительное значение.

В то же время в окружении царя было много людей, не желавших перемен. «Консерваторы и охранители» использовали любые возможности, чтобы препятствовать нововведениям. Они пугали дворян и императора «новой пугачевщиной». По мнению исследователя, во главе крепостнической партии стояли богатые, чиновные, титулованные землевладельцы.

При изучении работы И. И. Иванюкова следует обратить внимание на оценку роли Александра II в проведении крестьянской реформы. По мнению ученого, воззрения царя «на задачи преобразований были шире взглядов и желаний большинства высшего правительства» и «только царская воля, а не великодушное стремление дворян» обусловило их отказ от сословных привилегий.

Большую роль в подготовке отмены крепостного права, утверждает автор, играло хорошо образованное, либерально настроенное поместное дворянство, которое заняло активную позицию в обсуждении проектов реформы в губернских комитетах. И. И. Иванюков считает, что благодаря именно этим людям, а также печати в ходе об-

суждения проектов реформы менялось отношение к преобразованиям у основной массы помещиков.

В рассуждениях о причинах крестьянской реформы ученый приходит к выводу, что крепостное право пало не под действием силы, а под действием разума.

Литература

1. Иванюков, И. И. Падение крепостного права / И. И. Иванюков. — СПб., 1882.

2. История России XVIII–XIX веков / Л. В. Милов, Н. И. Цимбаев ; под ред. Л. В. Милова. — М., 2008.

3. История России XIX — начала XX в. : учебник для исторических факультетов университетов / под ред. В. А. Федорова. — М., 1998.

4. Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права) : сб. обзоров и рефератов / отв. ред. В. С. Коновалов. — М., 2011.

Тема 2. Советская историография о реформе 1861 г. Крестьянская реформа в работах П. А. Зайончковского

В 1954 г. в свет вышло фундаментальное исследование одного из ведущих специалистов по реформе 1861 г. профессора МГУ П. А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России». В работе на основе большого фактического материала дается социально-экономическая характеристика России первой половины XIX в, рассматривается подготовка реформы, анализируются Положения 19 февраля 1861 г. Основное внимание уделено проблеме реализации реформы и реакции на неё крестьян.

Работая с монографией П. А. Зайончковского, студент должен осознавать, что профессор занимался изучением крестьянской реформы в период, когда в отечественной историографии утвердилась ленинская концепция, согласно которой основной причиной отмены крепостного права был кризис феодальной системы, наблюдавшийся в России в первой половине XIX в. Дальнейшее развитие страны

на базе господствующих крепостнических отношений становилось невозможным. Объективный ход истории заставлял правительство отменить крепостное право.

Необходимость проведения реформы, по мнению ученого, вызывалась также соображениями государственной безопасности. Власти боялись новой пугачевщины. Однако провести освобождение крестьян можно было только при согласии дворянства. Идти против дворянства в той ситуации для царя означало подвергнуть себя риску быть свергнутым с престола. В связи с тем, что большинство представителей первого сословия не видело необходимости отмены крепостного права, правительство предпочитало не предпринимать никаких серьезных шагов на пути решения крестьянского вопроса.

Положение изменилось в период Крымской войны, которая, как считает П. А. Зайончковский, не только обнажила гнилость самодержавия, но и вызвала резкий подъем крестьянского движения. Однако это движение было стихийно, и в нем отсутствовало политическое сознание. Данное обстоятельство значительно снижало его опасность для властей. На то, что на рубеже 1850–1860 гг. положение в деревне не вызывало больших страхов у правительства, указывает, по мнению исследователя, тот факт, что в 1860 г. проект Редакционных комиссий исправляется не в пользу крестьян.

Необходимо обратить внимание, что к факторам, заставившим власть пойти на отмену крепостного права, автор относит и изменения в общественном мнении, происходившие в России в первой половине XIX в. Разложение феодально-крепостнической системы приводит к возникновению двух идеологий: либеральной и революционно-демократической. Представители обоих политических направлений выступали за отмену крепостного права. Однако, как указывается в исследовании, по мере обострения классовых противоречий либералы, опасаясь революционного взрыва, все больше и больше сближались с правительством, образуя в период подготовки реформы единый лагерь господствующего класса. Революционные демократы, выражавшие интересы крестьянства, в то время были немногочисленны и не представляли реальную силу. Вследствие этого революционная ситуация, сложившаяся в стране в конце 1850-х — начале 1860-х гг., не переросла в революцию, и крестьянство в ходе освобождения оказалось ограбленным.

При изучении концепции П. А. Зайончковского следует обратить внимание на ту роль, которую он отводит Александру II в проведении реформы. Например, он отмечает, такое качество императора: когда Александр II приходил к твердому убеждению, что та или иная мера жизненно необходима для его империи, он шел напролом, не считаясь с мнением своих сановников и царедворцев. Это черта характера царя в полной мере проявилась в период подготовки отмены крепостного права.

Освещая реакцию крестьян на Манифест 19 февраля, П. А. Зайончковский делает акцент на том, что крестьяне были недовольны положениями реформы, что привело к массовым выступлениям против властей, достигшим своего пика весной 1861 г.

Оценивая результат реформы, ученый отмечает, что она имела огромное значение для развития новых, капиталистических отношений. К тому же отмена крепостного права повлекла за собой ряд буржуазных реформ. Эти реформы, проводимые правительством под влиянием общественного возбуждения, «революционного натиска» и массовых крестьянских выступлений, по мнению П. А. Зайончковского, означали эволюцию самодержавия по пути превращения его в буржуазную монархию. В то же время, указывает исследователь, реформа 1861 г., в силу её ограниченности, сохраняла феодально-крепостнические пережитки. Широкое распространение «отрезков» привело к тому, что крестьяне потеряли ту часть земли, без которой они не могли нормально вести свое хозяйство. Это обстоятельство приводило к закабалению крестьян и развитию отработочной системы. В основу выкупа была положена не рыночная стоимость земли, а капитализированный оброк, представлявший собой одну из форм феодальной ренты. Крестьянские пореформенные наделы оказались в большинстве случаев недостаточными для нормального ведения крестьянского хозяйства в условиях тогдашней системы общинного землепользования и существовавшей земледельческой культуры. Малоземелье и сохранявшиеся различные формы крепостнических пережитков определили тяжелое положение крестьян в пореформенный период.

Литература

1. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. — М., 1968.

2. Зайончковский, П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. / П. А. Зайончковский. — М., 1958.

3. Портреты историков : Время и судьбы : в 2 т. Том 1 : Отечественная история / отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. Т. Мильская. — М. ; Иерусалим, 2000.

4. Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права) : сб. обзоров и рефератов / отв. ред. В. С. Коновалов. — М., 2011.

***Тема 3. Современная историография
крестьянской реформы. Л. Г. Захарова о факторах,
повлиявших на проведение преобразований,
и значении крестьянской реформы в жизни России***

Со второй половины 1980-х гг. в условиях утверждавшегося научного и методологического плюрализма начался новый этап переосмысления реформы 1861 г., давший импульс её дальнейшему изучению. В связи с этим рассмотрим взгляды на крестьянскую реформу еще одного крупного специалиста по этой проблеме, профессора МГУ Л. Г. Захаровой. Необходимо отметить, что Лариса Георгиевна была ученицей Петра Андреевича Зайончковского. В 1984 г. на основе своей докторской диссертации Л. Г. Захарова публикует монографию «Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861». В более поздних работах: «Самодержавие и реформы в России, 1856–1874: (к вопросу о выборе пути развития)» и «Великие реформы 1860–1870-х годов: Поворотный пункт российской истории?», — вышедших в постсоветский период, Л. Г. Захарова, не отказываясь от своих прежних взглядов на реформу 1861 г., вносит в них некоторую корректировку. В этих работах она отмечает, что в советской литературе есть преувеличение роли крестьянского движения в истории отмены крепостного права, но не следует впадать в другую крайность и полностью отрицать влияние крестьянских выступлений на политику, проводимую правительством. Что касается социально-экономических предпосылок крестьянской реформы, то это вопрос спорный, и правильный ответ на него «требует дальнейшего исследования с использованием дан-

ных о макро- и микроуровнях социально-экономического развития предреформенных десятилетий».

При изучении работ Л. Г. Захаровой следует обратить внимание на тот факт, что она, как и предыдущие исследователи, считает, что одна из главных причин, подтолкнувших власти к проведению реформы — поражение в Крымской войне, которое отчетливо показало отсталость России от передовых европейских стран. Интересно и мнение Л. Г. Захаровой о мотивах, побудивших Александра II встать на путь проведения реформ: царь сделал это не в силу своих убеждений, а как военный человек, осознавший уроки войны, как самодержец, для которого «превыше всего были престиж и величие державы».

Успеху проведения преобразований способствовали такие качества императора, как здравый ум, способность быстро оценивать ситуацию в целом, умение ориентироваться в сложной политической обстановке.

Л. Г. Захарова считает, что важной предпосылкой Великих реформ являлось «наличие кадров, людей, готовых взять на себя грандиозный труд по преобразованию России, труд, к которому пытались приступить, но который не могли осилить их предшественники в первой половине XIX в.». Это были прогрессивно мыслящие люди, объединенные общностью взглядов на задачи предстоящих преобразований и методы их исполнения. Интересен тот факт, что данный слой управленцев, называемый просвещенной бюрократией, вырос в недрах чиновничьего аппарата николаевской России. По мнению исследователя, мировоззрение реформаторов не лишено было утопической веры в безграничную возможность государства направлять ход исторического развития. Несмотря на то, что ставка реформаторов на инициативную роль монархии и либеральную общественность оказалась ненадежной, «других гарантий, кроме необратимости принятого жесткого законодательства, в тогдашней России не существовало».

Исследователь высоко оценивает деятелей Великих реформ, относя их к поколению чиновников, которое «верило в будущее и творило его... Это было поколение, наделенное редким для российских политиков чувством ответственности перед современниками и потомками, поколение, без страха и с надеждой смотревшее вперед, с верой в мирное, неревolutionное преобразование России крепостной в Россию свободную».

Говоря о значении реформы 1861 г., Л. Г. Захарова соглашается с мнением предшествующего поколения исследователей, что отмена крепостного права явилась «перевалом», «поворотным пунктом» русской истории. В то же время она обращает внимание, что «переворот этот, по своим последствиям сопоставимый с европейскими буржуазными революциями, совершился сверху, по инициативе и при решающей роли государственной власти».

Литература

1. Захарова, Л. Г. Великие реформы 1860–1870-х годов : Поворотный пункт российской истории? / Л. Г. Захарова // Отечественная история. — 2005. — № 4. — С. 151–167.
2. Захарова, Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 / Л. Г. Захарова. — М., 1984.
3. Захарова, Л. Г. Самодержавие и реформы в России, 1856–1874 : (к вопросу о выборе пути развития) / Л. Г. Захарова // Великие реформы 1856–1874. — М., 1992. — С. 24–43.
4. Ковальченко, И. Д. Консерватизм, либерализм в России в период подготовки крестьянской реформы 1861 г. / И. Д. Ковальченко // Отечественная история. — 1994. — С. 3–18.
5. Медушевский, А. Н. Великая реформа и модернизация России / А. Н. Медушевский // Российская история. — 2011. — № 1. — С. 3–27.
6. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1 / Б. Н. Миронов. — СПб., 1999.
7. Реформа 1861 г. в истории России : (к 150-летию отмены крепостного права) : сб. обзоров и рефератов отв. ред. В. С. Коновалов. — М., 2011.

Тема 4. Зарубежные историки о крестьянской реформе 1861 г. в России

Большинство зарубежных исследователей рассматривает крестьянскую реформу 1861 г. как ответ на вызов соседних, более развитых европейских держав, когда в результате проигранной войны российское государство для поддержания статуса великой державы вы-

нуждено было встать на путь коренных преобразований. Государство вторглось в экономику для обеспечения национальной безопасности. Эти реформы, по мнению западных исследователей, являлись еще одним этапом вмешательства государства в социально-экономическую жизнь страны.

В исследованиях экономических предпосылок освобождения крестьян иностранные авторы особое внимание уделяют двум вопросам: 1. В какой степени крепостное право являлось тормозом экономического развития страны? 2. Было ли помещное дворянство заинтересовано в его отмене? Большинство специалистов считают, что крепостная система хозяйствования в предреформенный период была жизнеспособной и не являлась главной причиной экономической отсталости России. Крепостное право скорее было симптомом, а не причиной медленного роста экономики страны. Полученные с помощью математического моделирования результаты доказывают рентабельность помещичьего хозяйства, основанного на труде крепостных.

Историки сходятся во мнении, что экономика России накануне реформ развивалась поступательно. Она, за исключением банковского сектора, не находилась в состоянии кризиса.

Отвергая экономические предпосылки отмены крепостного права, зарубежные исследователи отдают предпочтение политическим и моральным мотивам проведения реформы. В связи с этим особое внимание уделяется изучению социально-экономических взглядов реформаторов. Проведенный учеными анализ экономических концепций, распространенных в России в первой половине XIX в., показал, что в тот период был популярен экономический либерализм. В соответствии с основными постулатами данного научного направления в стране необходимо было создавать условия, в которых частная инициатива могла бы развивать и возглавлять модернизацию экономики. Из этого представления вытекали и ожидания положительных экономических последствий отмены крепостного права. Реформа, по мнению её разработчиков, должна была способствовать усилению могущества страны.

К моральным мотивам проведения крестьянской реформы западные ученые относят широкое распространение в первой половине XIX в. среди образованного населения России гуманистических и либеральных идей. Происходил разрыв между «воспитанием» и «нра-

вами» русского дворянства, его «вестернизация», когда у сановников были «ноги в России, а голова — в Западной Европе».

Большую роль в осуществлении реформаторского курса иностранные историки отводят и лично императору Александру II, осознавшему необходимость отмены крепостного права. В то же время ряд ученых считает, что главная причина, по которой Александр II решил освободить крестьян, — это необходимость модернизации армии, поскольку в соответствии с самодержавной традицией император считал поражение в Крымской войне своим личным поражением. С задачей реорганизации армии связаны и другие реформы, поскольку царь понимал, что для того, чтобы считаться великой державой, стране нужно образование, новая система управления, развитая промышленность и транспорт.

Зарубежные специалисты по истории России полагают, что, несмотря на то, что в стране боялись новой пугачевщины, выступления крестьян не были направлены на изменение государственного строя и не могут быть признаны серьезным фактором, повлиявшим на изменение политического курса. В целом ряде работ особо выделяется роль «просвещенных бюрократов» в разработке и проведении реформы 1861 г.

В общей оценке реформы 1861 г. большинством исследователей на Западе отмечается постепенный характер реформы, сохранение в ней многих социально-экономических черт крепостничества и тот факт, что она не стала и не могла стать непосредственным стимулом экономического развития страны. Более того, крестьянская реформа не только не способствовала повышению жизненного уровня крестьянства, но и подорвала экономическое положение дворянства, лишив его прежней значимости. В итоге отмена крепостного права явилась жестким разочарованием для обоих классов.

Литература

1. Байрау, Д. Аграрная структура и крестьянский протест: К условиям освобождения русских крестьян в 1861 году / Д. Байрау // Новейшие подходы к изучению истории в современной зарубежной историографии. — Ярославль. 1997. — С. 3–51.

2. Большакова, О. В. Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права / О. В. Большакова // Российская история. — 2011. — № 4. — С. 14–26.

3. Готтрелл, П. Значение Великих реформ в истории экономики России / П. Готтрелл // Великие реформы в России. 1856–1874. — М., 1992. — С. 106–125.

4. Кимбэлл, Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ. 1859–1863 / Э. Кимбэлл // Великие реформы в России. 1856–1874. — М., 1992. — С. 260–282.

5. Реформа 1861 г. в истории России : (к 150-летию отмены крепостного права) : сб. обзоров и рефератов / отв. ред. В. С. Коновалов. — М., 2011.

6. Филд, Д. 1861 : «Год юбилея» / Д. Филд // Великие реформы в России. 1856–1874. — М., 1992. — С. 73–89.

Часть II. Дискуссия о величине «нормального» крестьянского надела в российской историографии

Тема 1. Споры вокруг земельного обеспечения крестьян в период разработки крестьянской реформы

Одним из дискуссионных в исторической науке является вопрос о величине земельного надела, необходимого для нормального функционирования крестьянского хозяйства в пореформенный период. Без ответа на него трудно дать объективную оценку самим реформам и определить, с каких «стартовых позиций» крестьянское хозяйство вошло в капиталистическую эпоху. Рассмотрим, какие подходы и методы применялись для решения вопроса о норме крестьянского надела.

При всей критике реформы 1861 г. надо помнить, что освобождение крепостного населения совершилось в России на совершенно иных принципах, чем в Западной Европе. Кроме личной свободы, крепостному крестьянину была дана земля. Мысль о земельном наделе стала краеугольным камнем всего преобразования. «Главная цель правительства, — заявляли реформаторы, — состоит в создании обеспеченного сословия сельских обывателей, а отнюдь не в лишении этого сословия с первой поры его образования лучших средств к самостоятельному развитию». Александр II вместе с разработчиками проектов освобождения крестьян, по-видимому, искренне надеялся, что проведенная на таких основаниях реформа будет способствовать в дальнейшем улучшению положения не только крестьян, но и помещиков. «Исход крестьянского вопроса, — писал царю Я. И. Ростовцев, — представляется мне в радужном свете: крестьяне получают свободу полную; они зачнут богатеть, ценность помещичьих имений возрастет быстро».

Решив дать крестьянину землю, правительство поставило перед собой довольно сложный вопрос: какой величины должен быть предоставляемый земельный надел? В губернских комитетах при обсуждении его размера звучали самые разные мнения. Одни помещики считали, что за основу должен быть положен размер существующего надела, ограниченный определенным максимумом. Такие предложения исходили, главным образом, от комитетов нечерноземных губер-

ний. Другие полагали, что в каждой губернии должна быть введена своя единая норма надела. Высказывалась также мысль, что при определении надела надо принимать во внимание такие показатели, как ценность земли, размеры имения, участие крестьян в неземледельческих промыслах и т. д.

До отмены крепостного права размер земельной площади, необходимой для нормального ведения крестьянского хозяйства, зависел от многих обстоятельств. Известный знаток российской деревни А. Н. Энгельгардт отмечал, что при крепостном праве помещик, особенно если у него не было недостатка земли, оставлял в пользовании крестьян такое количество земли, которое обеспечивало бы исправное отбывание повинностей по отношению к помещику и казне. Существенную роль играло плодородие почвы. При малой плодородности почвы и отсутствии подсобных промыслов помещику волей-неволей приходилось предоставлять крестьянину количество земли, достаточное для поддержания существования его семьи. В противном случае вся тяжесть содержания нищего населения легла бы на самого помещика. На величину надела влияла и система земледелия. В местах, где еще сохранялось лядинное хозяйство, надел был выше, чем у крестьян, применявших трехполье. Размер надела зависел и от формы феодальной повинности. Барщинному крестьянину, как правило, требовалось больше земли, чем оброчному. Во-первых, в отличие от оброчного, он получал средства к жизни главным образом за счет земледелия, т. к. возможности барщинного крестьянина заниматься неземледельческими промыслами были ограничены. Во-вторых, надел барщинника должен был обеспечить не только воспроизводство его хозяйства, но и содержание тяглового скота для обработки барской запашки.

Многообразие условий, в которых находилось российское крестьянство, создавало разработчикам реформы большие трудности. Для установления оптимального крестьянского надела в каждой местности им бы по крайней мере пришлось: 1) определить с высокой точностью потребности крестьян; 2) вычислить производительность надела в различных районах страны; 3) оценить доход, получаемый крестьянами каждой местности как от земледелия, так и от не связанных с ним промыслов. Выполнить это было практически невозможно. Другой путь решения проблемы виделся столичным чиновникам в выяснении размеров «обыкновенного» надела в разных местностях.

По их мнению, понятие «обыкновенного» надела существовало в каждой местности. Наделы ниже определенной площади считались «недостаточными, а выше — щедрыми, иногда излишними». Однако значительная часть губернских комитетов не поняла сформулированный нечетко запрос из столицы и вместо сведений об «обыкновенных» наделах прислала в Петербург данные о средних наделах по уездам. Таким образом, и этот способ выяснения размера оптимального надела для каждой местности не помог членам Редакционных комиссий решить поставленную задачу.

В связи с затруднительностью определения оптимальной площади крестьянского надела Редакционные комиссии и приняли решение, «что за крестьянским сословием должно быть по возможности сохранено право пользования, за определенные повинности, тем же самым наделом, которым существование его обеспечивалось до сих пор». В то же время авторы проектов аграрных преобразований полагали, что в ряде случаев крестьяне по тем или иным причинам имеют слишком «щедрые» наделы. Так, по данным, поступившим из Костромского губернского комитета, «обыкновенный» душевой надел помещичьих крестьян в Солигаличском и Ветлужском уездах составлял 10 десятин земли, а в Кологривском — 13 десятин. Члены Редакционных комиссий считали, что «лишняя» земля крестьянам не нужна, т. к. они не задействуют её в хозяйственных нуждах. В связи с этим вводится понятие «высший надел». Разработчики реформы исходили из того, что он не должен был превышать земельной площади, которую крестьянская семья могла эффективно использовать. Обработав данные из многих регионов страны, чиновники решили, что количество пашни в большинстве крестьянских хозяйств разных местностей отличается незначительно. Различия главным образом состояли в размерах непахотных угодий. Это объяснялось большей или меньшей потребностью крестьян разных районов в покосах и пастбищах.

Однако при формировании местностей, на которые была поделена территория страны, во главу угла был положен не принцип хозяйственно-географического сходства, а плотность размещения крепостного населения: там, где на одного крепостного приходилось больше помещичьих угодий, там и «высший надел» был более значительным. Первоначально черноземная полоса была разделена на 3 местности с высшим наделом в 3; 3,5; и 4,5 десятины; а нечерноземная — на 6 (3,5; 4; 4,5; 5; 6 и 8 десятин). В дальнейшем количество местностей неодно-

кратно изменялось, а размеры высших наделов были сокращены. По этому поводу в исторической литературе высказываются разные мнения. Ряд исследователей считает, что причиной сокращения норм было стремление членов Редакционных комиссий найти компромисс с консервативной частью дворянства. Другие полагают, что столичные чиновники во время подготовки реформы стремились показать себя её полновластными и единственными творцами и не особенно обращали внимание на нажим извне. Сокращение же размера высшего надела было вызвано методикой расчетов петербургских чиновников.

От размера высшего надела зависела и величина низшего надела. Низший размер не рассматривался разработчиками как минимум земельной площади, способный спасти крестьянскую семью от голодной смерти. Этот надел вводился по другой причине. По замыслу членов Редакционных комиссий «низший предел крестьянских наделов должен быть поставлен в такие узкие границы, чтобы прирезка крестьянам недостающего количества угодий не смогла сделаться общим явлением, но всегда сохраняла бы лишь характер исключения». Первоначально предполагалась, что он будет равен $\frac{2}{5}$ высшего, потом, из-за опасения «обезземеливания» значительного количества мелкопоместных дворян, его величина была понижена до $\frac{1}{3}$.

Разработчики реформы считали, что душевой надел в 8 десятин вполне достаточен для нормального развития крестьянского хозяйства даже в тех регионах, где климат и почва мало способствуют сельскохозяйственным занятиям. При трехпольном севообороте, по их мнению, больший размер надела приводил бы к малоэффективному использованию земли, т. к. поля получали бы недостаточное количество удобрений. Норма надела в 8 десятин земли как минимум, необходимый для крестьянского хозяйства, не была чем-то новым для страны. В до-реформенный период правительство, наделяя землю государственных крестьян, установило норму в 8 десятин на ревизскую душу в малоземельных губерниях и 15 десятин — в многоземельных. Фактически осуществить это правило было не всегда возможно, и Министерство государственных имуществ допускало минимум в 5 десятин на душу. При этом надо учитывать, что норма в 8 и 15 десятин включала в себя некий резерв земли, рассчитанный на прирост населения в крестьянской общине. Максимальный надел для государственных крестьян по реформе 1866 г. также был установлен в 8 десятин для малоземельных уездов и в 15 десятин — для многоземельных.

Почему же принятые при проведении реформы 1861 г. размеры высшего надела даже в нечерноземной полосе были значительно меньше, чем 8 десятин? Дело в том, что, как уже отмечалось, при определении высшего надела у помещичьих крестьян главным показателем была не доходность земли, а размеры земельного фонда помещиков. Правительство не могло допустить, чтобы после отмены крепостного права дворяне оказались и без крестьян, и без земли. По мнению И. И. Иванюкова, одного из первых исследователей реформы 1861 г., если бы разработчики реформы учли все потребности крестьянского двора «и, сообразно с этими нуждами, определили нормальные наделы, крестьянское землевладение поглотило бы помещичье во всей черноземной не степной полосе, нечерноземных промышленных губерниях, юго и северо-западных губерниях». Такая радикальная мера в планы правительства не входила. Решая вопрос о наделении крестьян землей, власти старались минимизировать потери помещиков. По этой причине крестьянские наделы в абсолютном большинстве случаев оказались меньше той площади, обрабатывая которую крестьянин мог бы обеспечить себя всем необходимым.

Следует отметить, что помещики были сильно встревожены грядущими переменами. У многих из них был собственный взгляд на размер надела, который крестьянин должен был получить при отмене крепостного права. Владельцы имений активно пытались донести до властей свое мнение не только через своих представителей в дворянских комитетах, но и путем выступлений в печати. Так, костромской помещик А. П. Шипов, чье имение находилось на границе двух уездов — Галичского и Кинешемского, — разработал свой вариант проведения реформы, в котором предлагалось предоставить крестьянам по 4,5 десятин земли на ревизскую душу. Евгения Приорова, имевшая небольшое поместье в одном из отдаленных уголков Ярославской губернии — Пошехонском уезде, — полагала, что местным крестьянам вполне достаточен надел в 5 десятин на душу. Эти помещики считали, что, получив надел, крестьянин все равно должен нуждаться в земле и в значительной степени будет зависеть от помещика. На то, что и в одной и в другой местности указанные размеры земельного надела были явно недостаточны, указывает тот факт, что площадь «обыкновенных» наделов в них была значительно больше. В Кинешемском уезде «обыкновенный» надел составлял 4,8 десятины земли, в Галичском — 6 десятин, а в Пошехонском — 6,9 десятины.

При этом рекомендованные данными помещиками нормы наделов все же были относительно щедрыми. Предложения Костромского и Ярославского дворянских комитетов были намного скупее. Члены первого считали, что крестьянам достаточно предоставить надел в малоземельных имениях в 1,5 десятины, в средних — 2,5, в многоземельных — 3. Представители второго определяли соответствующие цифры в 1; 1,5 и 3 десятины. Но осуществление подобных предложений сделало бы невозможным ведение самостоятельного крестьянского хозяйства и могло бы привести к социальному взрыву, и столичные чиновники, в отличие от части провинциального дворянства, хорошо это понимали.

Литература

1. Александров, Н. М. Сколько крестьянину надо земли? (К вопросу о норме надела в пореформенной России / Н. М. Александров // Российская история. — 2012. — № 5. — С. 100–109.

2. Долбилов, М. Д. Статистический эксперимент реформаторов: коллизии в расчетах высших размеров крестьянских наделов при освобождении / М. Д. Долбилов // Россия сельская. XIX — начало XX в. — М., 2004. — С. 83–106.

3. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. — М., 1968.

4. Захарова, Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России (1856–1861) / Л. Г. Захарова. — М., 1984.

Тема 2. Досоветская историография о крестьянских наделах

После отмены крепостного права вопрос о норме крестьянского надела стоял не менее остро. В это время, в отличие от предыдущего периода, им больше интересовались не владельцы имений и правительственные чиновники, а ученые и публицисты, которые пытались установить, насколько реформа отразилась на состоянии крестьянского хозяйства. Наиболее обстоятельно исследовал эту проблему Ю. Э. Янсон, который в своих расчетах опирался главным образом на данные, собранные Валуевской комиссией 1872–1873 гг., и сведе-

ния Податной комиссии. Он пришел к выводу, что в нечерноземной полосе «на тощей почве, требующей сильного удобрения, следовательно, достаточного количества лугов и выгонов, душевой надел для того, чтобы обеспечивать продовольствие семьи, и притом, если земля не очень уже плоха, не может быть с усадьбою менее 8 десятин». Ю. Э. Янсон рассуждал так: «При 8 десятин может быть по две десятины в клину; 0,15 десятин под усадьбой и только 1,85 под лугом и выгоном; с двух десятин озими при урожае сам-3 получится, за вычетом семян, до 45–50 пудов ржи, едва достаточных на прокормление 2½ душ, т. е., приблизительно того числа, какое приходится на 1 ревизскую душу». В черноземных же губерниях для обеспечения крестьянской семьи только продовольствием, по мнению ученого, необходимо было иметь «по 5 десятин в душевом наделе» или не менее 10 десятин на хозяйство. Ю. Э. Янсон не соглашался с расчетами В. И. Чаславского, который считал, что в Курской губернии при трехпольном севообороте душевой надел в 4 десятины на душу может обеспечить прожиточный минимум (пропитание) крестьянской семье из 4 человек. В расчетах Чаславского такое хозяйство состояло из двух взрослых работников, мужчины и женщины, и нетрудоспособных членов семьи: стариков или детей. Оно располагало минимумом рабочего и продуктивного скота: лошадью, коровой, двумя овцами, свиньей.

Отметим, что 5 (или 8) десятин земли на ревизскую душу — это только тот минимум, который, по подсчетам Ю. Э. Янсона, способен был обеспечить крестьянскую семью продовольствием. «Но за прокормлением, — добавлял он, — остается еще уплата податей, оброков и выкупных». Следовательно, душевой надел должен быть больше указанных размеров. И. И. Иванюков в своем исследовании реформы 1861 г., дав высокую оценку расчетам Янсона, при выяснении вопроса об обеспеченности земель крестьян в восьми центрально-черноземных губерниях, исходил из того, что для данной местности 4 десятины являются нормой «удовлетворительного крестьянского надела», а участки ниже двух десятин должны считаться «совершенно не обеспечивающими крестьянский быт». Касаясь вопроса о различии в плодородии почв в разных регионах страны, ученый писал, что в черноземной полосе высший надел в 3,25 десятин давал крестьянину столько же хлеба, сколько в

нечерноземной Новгородской губернии можно было получить только при высшем наделе в 5,6 десятин.

Свой метод решения проблемы предложил кн. А. И. Васильчиков, который прожил большую часть жизни в провинции и имел богатый опыт управления имениями, находившимися в разных регионах России. Ему приходилось заниматься сельским хозяйством как на северо-западе и западе страны (Новгородская, Псковская, Ковенская губернии), в черноземном центре (Тамбовская и Воронежская губернии), так и в Поволжье (Саратовская губерния). Он считал, что размер крестьянского надела должен определяться не величиной урожая, необходимого для пропитания крестьянской семьи, а исключительно рабочей силой крестьянского хозяйства. В качестве одного из доказательств этого положения он приводил методы раскладки земли в крестьянских общинах. «Сельское общество, при мирских своих раскладах, — писал Александр Илларионович, — не спрашивает — сколько душ в семье, сколько требуется земли для пропитания, но справляется только о числе рабочих, потому что от этого зависит действительное владение, эксплуатация, и сколько бы ни было отведено земли на двор, она не принесет пользы, если не соответствует числу рабочих душ во дворе. Этот же народный, общепринятый счет может, как нам кажется, служить руководством для определения достаточности или недостатка земли».

В то же время А. И. Васильчиков делал важное уточнение о том, что расчеты могут производиться двумя методами: во-первых, «по существующим обычаям и порядкам полеводства», даже если работа на земле выполняется «грубо и небрежно»; во-вторых, «как она должна быть произведена по правилам сельского хозяйства». Ошибочность первого метода, по мнению князя Васильчикова, заключалась в том, что в ряде местностей страны во второй половине XIX в. еще не отказались от подсеки и перелога, к тому же большинство крестьян плохо обрабатывали землю. В таком случае рабочий мог, несомненно, «осилить большое пространство», и крестьянский надел должен быть больше, чем при трехполье и качественной обработке почвы. Вот это «фальшивый расчет и берется у нас обыкновенно в основание суждений о недостатке земли и жалоб самих крестьян на стеснение». Таким образом, «если считать во дворе по средней сложности 1½ рабочих мужика и 3 ревизских души, то поэтому приходилось бы как нормальный или высший надел на рабочего 10–13 десятин и на душу 5–6¾. Пропор-

цию эту следовало бы несколько уменьшить в северных губерниях и увеличить в южных». Отличие в размере высшего надела в разных районах страны объяснялось тем, что в северных губерниях при обработке земли требуется больше времени и сил, чем в южных.

Известный русский народник, экономист и публицист С. Н. Южаков посвятил вопросу о нормах крестьянского надела специальную работу. Проанализировав труды Ю. Э. Янсона и А. И. Васильчикова, С. Н. Южаков назвал их самыми капитальными исследованиями по проблемам российской деревни. Он отметил, что среди специалистов сформировалось два подхода к решению вопроса о норме крестьянского надела: «на основании средней рабочей силы и средней потребности». Оба они, по мнению С. Н. Южакова, ни в чем не противоречат друг другу, т. к. величина рабочей силы указывает на максимум земельной площади, которую может обработать крестьянин, а выяснение потребностей «служит для определения *minimum*'а народных наделов». Поскольку потребности крестьянина, как и условия сельскохозяйственного производства, в разных регионах России имеют значительные отличия, ученый разделил территорию страны на 9 крупных областей. Для каждой из них он вычислил максимальную площадь, которую мог в течение сельскохозяйственного года обработать один крестьянин. В так называемом Полесье, к которому была отнесена значительная часть территории Верхнего Поволжья, один работник, по его подсчетам, мог обработать 13 десятин земли. При этом максимальный надел на ревизскую душу в Верхнем Поволжье не должен был превышать 8,5 десятин удобной земли. Необходимо заметить, что в работе, вышедшей спустя почти четверть века после отмены крепостного права, исследователь указал на то, что такая единица учета, как ревизская душа, уже не отражала истинную численность мужского населения деревни. Реально мужское население к тому времени значительно превосходило учтенное в 1857 г. последней ревизией. По этой причине рассчитанный максимальный земельный надел на ревизскую душу был больше, чем на душу наличную, но все же меньше, чем на взрослого работника.

Для определения минимальных размеров крестьянского надела С. Н. Южаков попытался определить доходы и расходы крестьянского хозяйства в различных регионах страны. По этим подсчетам, в Верхнем Поволжье только минимальный надел в 6,25 десятин удобной земли на ревизскую душу давал возможность крестьянской семье обеспечить

себя пропитанием и заплатить налоги. Отметил он и такую закономерность: чем севернее район, тем меньше разница между «рабочей» и «продовольственной» нормой надела. В Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях «рабочая норма равняется продовольственной», т. е. население не в состоянии обработать земли больше, чем нужно для получения продовольствия и уплаты налогов. В заключительной части работы автор привел данные о количестве земли, необходимой для обеспечения всего крестьянского населения по нормам «потребительского» минимального надела. Согласно этим данным в Европейской России к 1880-м гг. образовался большой дефицит сельскохозяйственных земель. Для решения аграрного вопроса требовалось не только переселение крестьян на свободные территории за Уралом, но и повышение агрокультуры обрабатываемых площадей.

В 1891 г. вышла книга Л. В. Ходского «Земля и земледелец». Её автор подверг критике метод анализа данных о наделной земле крестьян в ходе земельной переписи 1877–1878 гг. Он отметил, что качественное значение одного и того же по размеру надела на пространстве 49 губерний Европейской России до такой степени различно, что сравнивать одинаковые по размеру наделы в разных местностях страны «все равно, что суммировать аршины, вершки, сажени, не делая приведения их в одинаковое наименование». Ученый считал, что, принимая для всей страны какую-либо единую площадь крестьянского надела за признак достаточного обеспечения землей и разбивая крестьянское население на группы относительно обеспеченных и необеспеченных землею крестьян, исследователи получают совершенно ложное представление и о качественном, и о количественном характере таких групп. Методы определения норм крестьянских наделов на основании рабочей силы семьи или по её «потребительским и расходным нуждам», по мнению Л. В. Ходского, не могли привести к надежным результатам. Размер «нормального» надела зависел не только от качества почвы, но и от способа ведения хозяйства, от сельскохозяйственных знаний и опытности, от состава крестьянской семьи, от уровня обычных потребностей, от суммы прямых и косвенных налогов, падающих на крестьянское хозяйство, от курса бумажного рубля и многих других факторов. Л. В. Ходский полагал, что русская экономическая статистика содержит слишком мало материала и на её основании нельзя выяснить с достаточной убедительностью рабочую и потребительскую нормы для всех регионов Европей-

ской России. Кроме того, исследователь отметил, что предложенные методики не учитывают доходы от различных промыслов, являвшихся важным источником пополнения бюджета крестьянской семьи. Он предложил исчислять надел по земле, находящейся у государственных крестьян. Еще до реформы 1866 г. «правительство старалось по возможности предоставить государственным крестьянам земли в размере рабочих сил, — заметил он, — чтобы крестьяне, обрабатывая землю, могли с неё кормиться сами и отбывать разные государственные и местные платежи и повинности». «Таким образом, — делал вывод Л. В. Ходский, — средний надел бывших государственных крестьян приблизительно можно принять за рабочую норму крестьянской поземельной собственности в каждой отдельной местности и за достаточное обеспечение надельной землей в предреформенный период; наделение же крестьян — все равно государственных, удельных или помещичьих, — свыше этой нормы можно считать избыточным, а меньшее наделение — недостаточным».

Ученый составил таблицу, в которой, в соответствии с этой методикой, указывалась величина всех трех видов наделов и количество крестьян в каждой губернии Европейской России, получивших «щедрые», «достаточные» и «недостаточные» наделы. Так, во Владимирской губернии «достаточным» оказывался надел от 4 до 5 десятин, в Костромской — от 4,5 до 5 десятин и в Ярославской — от 3 до 4 десятин. С точки зрения Л. В. Ходского, «достаточный» надел не обязательно равен площади, обрабатывая которую крестьянская семья могла получить урожай, позволявший прокормить себя и заплатить все необходимые налоги. Он мог быть и значительно меньше, если крестьянское хозяйство получало доходы не только от сельского хозяйства, но и от разного вида промыслов. Так, «достаточный» надел в Ярославской губернии оказывался меньше, чем во Владимирской, поскольку ярославские крестьяне получали более значительные доходы от внеземледельческих промыслов. И это несмотря на то, что качество земли во Владимирской губернии было выше, чем в Ярославской. Использование такой методики привело Л. В. Ходского к выводу, что в Европейской России в ходе аграрных реформ 1860-х гг. «недостаточные» наделы получили 27,7 % крестьян. Губернии Верхнего Поволжья, согласно подсчетам ученого, в этом отношении сильно отличались друг от друга. Так, в Костромской гу-

бернии «недостаточные» наделы получили 43 % крестьян, во Владимирской — 20,9 %, а в Ярославской — только 17 %.

Литература

1. Васильчиков, А. Сельский быт и сельское хозяйство в России / А. Васильчиков. — СПб., 1881.

2. Ходский, Л. В. Земля и земледелец. Экономическое и статистическое исследование. Т. II / Л. В. Ходский. — СПб., 1891.

3. Южаков, С. Н. Нормы народного землевладения : (Опыт экономического исследования о нормальной величине крестьянских наделов в России) / С. Н. Южаков // Русская мысль. — 1885. — Кн. IX. — С. 1–40.

4. Янсон, Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах / Ю. Янсон. — СПб., 1881.

Тема 3. Советская и современная историография о крестьянском землевладении в пореформенной России

В советский период проблема достаточности крестьянского надела в пореформенной России стала основой оценок историками крестьянской реформы 1861 г. Правда, исследователи уже не пытались самостоятельно определить доходность крестьянских наделов, полагаясь на данные дореволюционных специалистов. Естественно, они столкнулись при этом с той же проблемой невозможности вычисления единой нормы наделов для всей страны. Даже П. А. Зайончковский, автор двух фундаментальных исследований, посвященных реформе 1861 г., приводит разные данные о размере душевого надела, обеспечивающего прожиточный минимум крестьянина в России. В книге «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.» он указывал, что такой надел должен быть не менее 6 десятин земли, а в более поздней работе «Отмена крепостного права в России» допускал возможность понизить эту цифру до 4 десятин.

Академик Н. М. Дружинин, изучавший последствия крестьянской реформы, сгруппировал сельские общины по размерам надела на ревизскую душу следующим образом: малоземельные — до 2 десятин,

среднеземельные — до 5, многоземельные — свыше 5 десятин. Предложенное Дружининым деление стали применять некоторые историки и в региональных исследованиях. Однако ряд ученых считали, что в значительном количестве районов России душевой надел в 5 десятин земли не мог обеспечить прожиточный минимум крестьянину. Д. А. Тарасюк, автор монографии, посвященной источниковедческому анализу данных земельной переписи 1877–1878 гг., писал по этому поводу: «Принимая во внимание многообразие условий, существующих в России для сельскохозяйственного производства, очевидно, следует считать, что надел, достаточный для ведения хозяйства, должен быть не менее 6 десятин на ревизскую душу мужского пола».

В той или иной степени, вопрос о земельной площади, необходимой для нормального ведения крестьянского хозяйства, затрагивали многие отечественные исследователи. Однако со временем ученых больше стало интересовать земельное обеспечение крестьян не вскоре после отмены крепостного права, а в начале XX в. — в период, предшествовавший революциям. Часть историков в своих работах опиралась на несколько политизированное суждение В. И. Ленина, который считал, что в начале XX в. «для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 десятин»; другие приводили иные цифры. В посмертно опубликованной работе А. М. Анфимова «Неоконченные споры» в разделе «Много ли человеку земли нужно» приведены расчеты дореволюционных экономистов и мнения самих крестьян о размерах земельной площади, обеспечивающей рентабельность хозяйств. Большинство из них считало, что в черноземной зоне необходимо иметь 10–15 десятин земли на двор.

В постсоветский период В. Г. Тюкавкин в последней своей крупной работе внес корректировку в расчеты Ю. Э. Янсона о нормах потребления хлеба в крестьянской семье. Тюкавкин считал, что Ю. Н. Янсон несколько преувеличил эту норму, а следовательно, и «потребительская норма» земельного надела могла быть меньше той, что он указывал. Историк также отметил, что условия ведения крестьянского хозяйства в 1870–1880 гг. и в начале XX в. существенно различались. К примеру, средний урожай зерновых в стране в 1900–1910 гг. вырос по сравнению с 1870–1880 гг. на 40 %. Это подтверждается и данными по отдельным регионам. Так, если в 1860–1870-х гг. средний урожай ржи в Ярославской губернии составлял сам-3,5, то к 1890-м гг. он увеличился до сам-5. Рост урожай-

ности и повышение цен на сельскохозяйственные продукты дали крестьянину возможность обходиться меньшим количеством земли, чем в первые пореформенные годы. Поэтому, по мнению В. Г. Тюкавкина, в начале XX в. площадь, необходимая крестьянской семье, должна была быть не менее 8,5 десятин в черноземной полосе и 9–9,5 десятин в нечерноземной.

Рассматривая проблему «достаточных» земельных наделов для крестьянских хозяйств, следует учитывать, что налоговая нагрузка в течение второй половины XIX — начала XX в. не была одинаковой. В пореформенный период только дважды изменялся размер крестьянских выкупных платежей. Так, с 1 июля 1882 г. произошло значительное их сокращение. С 1 января 1906 г. размер выкупных платежей понизился еще на 50 %, а с 1 января 1907 г. их взимание полностью прекратилось. Во второй половине XIX — начале XX в. были и другие изменения в налоговой нагрузке на крестьян.

Приведенные данные показывают, что в силу большого разнообразия местных условий определить какую-то единую норму «достаточного» надела не только для всей страны, но и для отдельного региона можно только очень приблизительно. Кроме того, следует учитывать, что величина земельного надела, способного обеспечить нормальное функционирование крестьянского хозяйства — категория историческая. Она зависела от многих факторов: налоговой нагрузки на крестьянское хозяйство, уровня агротехники и т. д.

Литература

1. Дружинин, Н. М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. / Н. М. Дружинин. — М., 1978.
2. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. — М., 1968.
3. Зайончковский, П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. / П. А. Зайончковский. — М., 1958.
4. Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. — М., 2001.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите основную цель работы И. И. Иванюкова «Падение крепостного права в России».
2. Какую роль, по мнению И. И. Иванюкова, играли «западные идеи» в формировании в российском обществе негативного отношения к крепостному праву?
3. Кого автор работы «Падение крепостного права в России» называет «консерваторами» и «охранителями»? В чем заключалось их отношение к реформе 1861 г.?
4. Что означает утверждение, высказанное И. И. Иванюковым, о том, что крепостное право пало не под действием силы, а под действием разума?
5. В чем, согласно ленинской концепции развития общества, заключался кризис феодальной системы в России в первой половине XIX в.?
6. В чем заключалось влияние поражения в Крымской войне на внутрисполитическую ситуацию в России?
7. Как повлияли, по мнению П. А. Зайончковского и Л. Г. Захаровой, на правительственную политику массовые выступления крестьян на рубеже 1850–1860 гг.?
8. В чем, согласно концепции П. А. Зайончковского, состояли достоинства и недостатки реформы 1861 г.?
9. Что общего и в чем различия оценок роли Александра II в проведении крестьянской реформы в работах И. И. Иванюкова, П. А. Зайончковского и Л. Г. Захаровой?
10. Какую роль, по мнению Л. Г. Захаровой, сыграла «просвещенная бюрократия» в проведении крестьянской реформы?
11. Ряд ученых считают, что Великие реформы были «революцией сверху». Приведите аргументы в подтверждение и опровержение этой точки зрения.
12. Как оценивает зарубежная историография социально-экономическое положение в России в предреформенный период?
13. В чем, по мнению западных исследователей, заключаются «моральные мотивы» отмены крепостного права в России?
14. Как, по мнению западной историографии, повлияла отмена крепостного права на социально-экономическое развитие России?

15. В чем для разработчиков реформы 1861 г. состояла сложность определения «оптимального» крестьянского надела?
16. Какой принцип был положен в основу деления территории страны на районы при проведении крестьянской реформы?
17. На основании чего Ю. Э. Янсон сделал выводы о малоземелье крестьян?
18. В чем заключается метод А. И. Васильчикова для определения величины земельного надела, необходимого крестьянской семье?
19. Какой метод определения нормы минимального крестьянского надела предлагал С. Н. Южаков?
20. Как определял уровень обеспечения крестьян землей А. В. Ходский?
21. Как группировал крестьянские хозяйства по уровню обеспечения землей Н. М. Дружинин?
22. В чем заключалась корректировка В. Г. Тюкавкина расчетов, выполненных Ю. Э. Янсоном?
23. Почему величина земельного надела, способного обеспечить нормальное ведение крестьянского хозяйства, является категорией исторической?
24. На основании сведений, приведённых в приложении, найдите местные особенности реализации крестьянской реформы в Ярославской губернии.

Темы докладов

1. Российская интеллигенция первой половины XIX века и крепостное право.
2. Пресса о «крестьянском вопросе» в период подготовки реформы 1861 г.
3. Консервативный лагерь в период подготовки реформы.
4. Крымская война и крестьянская реформа в России.
5. П. А. Зайончковский и его научная школа.
6. Советские историки о «первой революционной ситуации» в России.
7. Крестьянское движение в России в 1850–1860 гг.
8. Александр II: политический портрет.
9. Н. А. Милютин как представитель «просвещенной бюрократии».
10. Историография проведения крестьянской реформы в Ярославской губернии.

**Изменения в размерах наделов помещичьих крестьян
Верхнего Поволжья в результате проведения реформы 1861 г.***

Уезд, губерния	Сокращение надельной земли в %	Земли до реформы на душу (дес.)	Земли после реформы на душу (дес.)
Александровский	24	4,4	3,4
Владимирский	11	3,4	3,0
Вязниковский	12	4,0	3,6
Гороховецкий	7	4,9	4,6
Ковровский	18	4,5	3,9
Меленковский	22	3,8	3,1
Муромский	10	3,3	3,0
Переславский	20	5,0	4,0
Покровский	9	4,2	3,8
Судогодский	29	5,8	4,1
Суздальский	15	4,4	3,7
Шуйский	16	3,7	3,3
Юрьевский	17	4,4	3,7
По Владимирской губернии	16	4,2	3,6
Буйский	28	6,3	4,5
Варнавинский	33	8,9	5,6
Ветлужский	27	8,1	5,9
Галичский	31	7,2	4,5
Кинешемский	38	6,3	3,9
Кологривский	43	10,1	5,9
Костромской	31	5,7	4,0
Макарьевский	31	7,5	5,2
Нерехтский	14	4,5	3,9
Солигаличский	41	9,9	5,8
Чухломской	45	10,4	5,8
Юрьеvecкий	26	4,8	3,5
По Костромской губернии	32	6,9	4,8

* Источник: Александров Н. М. Аграрные преобразования 60-х гг. XIX в.: возможности и методы решения земельного вопроса (по материалам Верхнего Поволжья) // Экономическая история: Ежегодник. 2010. М., 2010. С. 237–238.

Надельное землевладение крестьян Верхнего Поволжья в 1877 г.*

Уезд	Душевой надел (десятин)		
	Бывших помещичьих крестьян	Бывших удельных крестьян	Бывших государственных крестьян
Владимирская губерния			
Александровский	3,4	4,6	6,0
Владимирский	3,0	—	3,7
Вязниковский	3,5	4,2	5,8
Гороховецкий	4,4	3,3	6,2
Ковровский	3,9	3,9	5,6
Меленковский	3,3	5,5	7,9
Муромский	2,9	3,3	3,7
Переславский	4,0	1,5	6,3
Покровский	3,8	—	5,2
Судогодский	4,2	4,7	6,2
Суздальский	3,8	3,8	4,2
Шуйский	3,2	3,1	5,0
Юрьевский	3,7	6,6	4,8
По Владимирской губернии	3,6	4,3	5,1
Костромская губерния			
Буйский	4,5	—	4,1
Варнавинский	5,8	6,5	5,4
Ветлужский	6,1	6,2	9,9
Галичский	4,8	3,5	5,7
Кинешемский	4,0	3,8	4,4
Кологривский	6,4	—	8,2
Костромской	4,2	4,5	5,0
Макарьевский	5,5	5,4	7,0
Нерехтский	3,7	—	4,4
Солигаличский	5,9	—	5,7
Чухломской	5,9	—	8,6
Юрьеvecкий	3,8	3,5	4,5
По Костромской губернии	4,9	4,7	6,1
Ярославская губерния			

Уезд	Душевой надел (десятин)		
	Бывших помещичьих крестьян	Бывших удельных крестьян	Бывших государственных крестьян
Даниловский	3,7	—	4,4
Любимский	4,1	—	4,5
Мологский	3,9	—	3,6
Мышкинский	3,5	—	4,1
Пошехонский	5,3	—	5,7
Р.-Борисоглебский	3,7	—	5,0
Ростовский	3,1	—	4,1
Рыбинский	3,7	—	4,8
Угличский	3,7	—	4,1
Ярославский	3,2	—	3,9
По Ярославской губернии	3,8	—	4,3
По Европейской России	3,4	4,8	5,9

* Источник: Александров Н. М. Аграрные преобразования 60-х гг. XIX в.: возможности и методы решения земельного вопроса (по материалам Верхнего Поволжья) // Экономическая история: Ежегодник. 2010. М., 2010. С. 248–249.

Оглавление

Введение	3
Часть I. Дискуссионные вопросы изучения крестьянской реформы 1861 г. в отечественной и зарубежной историографии .	4
Тема 1. Досоветская историография крестьянской реформы. И. И. Иванюков об основных причинах отмены крепостного права.....	4
Литература.....	6
Тема 2. Советская историография о реформе 1861 г. Крестьянская реформа в работах П. А. Зайончковского.....	6
Литература.....	8
Тема 3. Современная историография крестьянской реформы. Л. Г. Захарова о факторах, повлиявших на проведение преобразований, и значении крестьянской реформы в жизни России	9
Литература.....	11
Тема 4. Зарубежные историки о крестьянской реформе 1861 г. в России	11
Литература.....	13
Часть II. Дискуссия о величине «нормального» крестьянского надела в российской историографии	15
Тема 1. Споры вокруг земельного обеспечения крестьян в период разработки крестьянской реформы	15
Литература.....	20
Тема 2. Досоветская историография о крестьянских наделах	20
Литература.....	26
Тема 3. Советская и современная историография о крестьянском землевладении в пореформенной России	26
Литература.....	28
Вопросы для самоконтроля.....	29
Темы докладов	31
Приложения.....	32

Учебное издание

Александров Николай Михайлович

Проблемы социально-экономической истории России

Учебно-методическое пособие

Редактор, корректор М. Э. Левакова

Верстка М. Э. Леваковой

Подписано в печать 04.10.2018. Формат 60×84 1/16.

Усл. печ. л. 2,09. Уч.-изд. л. 1,5.

Тираж 2 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
150003, Ярославль, ул. Советская, 14.